



COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ЧЕТВЕРТАЯ СЕКЦИЯ¹

ДЕЛО «АЛЬ-НАШИФ против БОЛГАРИИ»

(Жалоба № 50963/99)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

20 июня 2002 года

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ

20/09/2002 г.

Данное судебное решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в пункте 2 Статьи 44 Конвенции. Оно может подлежать редакционному пересмотру.

¹ В составе до 1 ноября 2001 г.

В деле «Аль-Нашиф против Болгарии»,

Европейский суд по правам человека (Четвертая Секция), заседая Палатой в составе:

Господина Г. Ресса (G. RESS), *Президент*,
Господина Л. Кафлиша (L. CAFLISCH),
Господина Д. Макаржика (J. MAKARCZYK),
Господина И. Кабрала Баррето (I. CABRAL BARRETO),
Господина В. Буткевича (V. BUTKEVICIUS),
Господина Д. Хедигана (J. HEDIGAN),
Госпожи С. Ботучаровой (S. BOTOUSCHAROVA), *судьи*,

и Господина В. Бергера (V. BERGER), *Секретаря Секции*,

Проведя заседания за закрытыми дверями 25 января 2001 года и 30 мая 2002 года,

В последний указанный день вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 50963/99) против Республики Болгария, поданной в Суд 15 сентября 1999 года в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - Конвенция).

Жалоба была первоначально подана пятью заявителями. На основании частичного решения от 16 декабря 1999 года, жалобы двух заявителей были отвергнуты, в связи с чем оставшимися заявителями являются г-н Дариуш Аль-Нашиф, лицо без гражданства, родившийся в 1967 году («первый заявитель»), Абрар и Ауни Аль-Нашиф, дети первого заявителя, которые родились в 1993 году и 1994 году, соответственно, и имеют болгарское гражданство («второй и третий заявители»). Второй и третий заявители обратились в Суд через свою мать, г-жу Хетам Ахмед Рашид Салех, жену господина Аль-Нашиф.

2. Заявители были представлены г-ном Ю. Грозевым и г-жой К. Яневой, юристами, практикующими в Софии. Болгарское правительство (далее - правительство) было представлено его Уполномоченным, г-жой Г. Самарас из Министерства юстиции.

3. Заявители утверждали, что первый заявитель не имел права на обжалование в суде своего содержания под стражей и что он был задержан без права переписки и посещения (*incommunicado*) (пункт 4 Статьи 5), что его депортация будет нарушением права всех трех заявителей на уважение семейной жизни (Статья 8), что они не имеют эффективных средств правовой защиты в этом отношении (Статья 13), что меры, примененные в отношении первого заявителя являются нарушением его права на свободу вероисповедания и что он не имеет

эффективных средств правовой защиты в этом отношении (Статьи 9 и 3). В первоначальной жалобе заявителя также указали жалобы в соответствии с пунктами 1, 6 Статьи 5 и Статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

4. Жалоба была передана на рассмотрение Четвертой Секцией Суда (пункт 1 Правила 52 Регламента Суда). В данной Секции, Палата для рассмотрения дела (пункт 1 Статьи 27 Конвенции), была сформирована в соответствии с пунктом 1 Правила 26 Регламента Суда.

5. Слушание по вопросу о приемлемости и по существу дела (пункт 4 Правила 54) состоялась публично во Дворце прав человека в Страсбурге 25 января 2001 года.

В Суде выступали:

(a) *от имени правительства*

госпожа Г. Самарас (G. SAMARAS), Министерство юстиции,
Уполномоченный,

(b) *от имени заявителей*

господин Ю. Грозев (Y. GROZEV), юрист, *адвокат,*
госпожа К. Янева (K. YANEVA), юрист, *адвокат.*

Суд заслушал их.

6. По решению от 25 января 2001 года Суд объявил остальную часть жалобы частично приемлемой и частично неприемлемой.

Заявитель и правительство представили свои замечания по существу (пункт 1 Правила 59). Стороны в письменной форме ответили на замечания друг друга.

7. 1 ноября 2001 года Суд изменил состав своих Секций (пункт 1 Правила 25), но это дело осталось в Палате бывшей Секции IV.

8. Впоследствии, г-н И. Кабрал Баррето (I. Cabral Barreto), запасной судья, заменил господина А. Пастор Ридруэхо (A. Pastor Ridruejo), который не смог принять участие в дальнейшем рассмотрении дела.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Первый заявитель, г-н Дариуш Ауни Аль-Нашиф, лицо без гражданства, палестинец, родился в 1967 году в Кувейте. Он проживал в Болгарии в период с сентября 1992 года по июль 1999 года, когда был депортирован. Сейчас живет в Сирии.

Второй и третий заявители, Абрар и Ауни Аль-Нашиф являются детьми первого заявителя. Они родились в Болгарии в 1993 и 1994 году соответственно. Они имеют болгарское гражданство и проживали в городе Смолян, Болгария, со своей матерью, госпожой Хетам Ахмед Рашид Салех, которая, очевидно, также является лицом без гражданства, до июня 2000 года. После этого, госпожа Салех, а также второй и третий заявители покинули Болгарию и обосновались в Иордании.

А. Основные сведения, семейный статус и статус проживания первого заявителя в Болгарии

10. Первый заявитель описывает свои личные обстоятельства следующим образом. Его отец, который умер в 1986 году в Кувейте, являлся лицом без гражданства палестинского происхождения. Его мать является гражданкой Сирии. Несмотря на то, что он родился в Кувейте и что его мать является гражданкой Сирии, первый заявитель не может получить кувейтское или сирийское гражданство потому, что в обеих странах ребенок может получить гражданство только если его/ее отец является гражданином этого государства.

11. Первый заявитель жил в Кувейте до 25 лет. Он учился там в средней школе и получил специальность в области электроники. В 1992 году он женился на г-же Хетам Салех. Стороны не указали гражданство госпожи Салех, чьи родители живут в Иордании. Неоспоримым является тот факт, что второй и третий заявители, ее дети, стали гражданами Болгарии в соответствии с положением, которым болгарское гражданство предоставляется детям, родившимся в Болгарии у родителей без гражданства.

12. У г-на Аль-Нашиф есть две сестры, которые живут в Сирии. Его мать также живет в Сирии, в городе Хама. У него также есть брат, который жил в Кувейте до 1994 года и который проживает в Болгарии, где женился на болгарке, с 1998 года.

13. Первый заявитель утверждает, что после войны в Персидском заливе многие палестинцы были высланы из Кувейта как палестинские лидеры, которые поддержали вторжение Ирака в 1990 году. Он покинул Кувейт со своей женой, г-жой Салех, 16 августа 1992 года и отправился в Сирию, а затем, 20 сентября 1992 года, в Болгарию. Первый заявитель утверждает, что он был в поисках страны, в которой можно было бы обосноваться. Он не мог оставаться в Сирии, поскольку был не в состоянии обеспечивать там свою семью. Выбор пал на Болгарию из-за существующих возможностей трудоустройства, относительно простой процедуры получения правового статуса, и того факта, что у семьи были друзья палестинского происхождения, которые там проживали.

14. Г-н Аль-Нашиф и г-жа Салех прибыли в Болгарию 20 сентября 1992 года. У первого заявителя был при себе документ, выданный в Сирии, удостоверяющий, что заявитель являлся лицом без гражданства, который был действителен до 1993 года и был позже продлен в посольстве Сирии в Софии. В ходатайстве на получение разрешения на жительство он указал Хаму, Сирия, как свое предыдущее постоянное место жительства.

15. В неустановленный день вскоре после прибытия, первый заявитель получил разрешение на временное проживание. Г-н Аль-Нашиф, совместно с другими лицами, имел бизнес по производству напитков. Он и его жена сначала проживали в Софии, где родились второй и третий заявители в 1993 и 1994 гг. соответственно.

В феврале 1995 года первый заявитель получил постоянный вид на жительство.

16. В феврале 1995 года первый заявитель вступил в мусульманский религиозный брак с г-жой М., гражданкой Болгарии. Согласно болгарскому законодательству такой брак не имеет юридической силы.

Г-жа М. проживала в Софии с матерью. В течение неопределенного периода времени г-н Аль-Нашиф поддерживал их материально.

Неоспоримым является тот факт, что после вступления в религиозный брак с г-жой М., первый заявитель продолжал жить с г-жой Салех и их детьми в Софии.

17. В конце 1995 года он и г-жа Салех, вместе со своими детьми, переехали в Смолян, город с населением около 34 000 жителей на юге Болгарии, в 300 км от Софии. Там первый заявитель открыл мясной магазин и занимался производством напитков до момента, пока его не депортировали в июле 1999 года. В период с ноября 1998 года по апрель 1999 года он также преподавал ислам.

18. В начале 1996 года г-жа М. приехала к первому заявителю в г. Смолян, где проживала несколько месяцев в арендуемой им квартире. Она часто сопровождала г-на Аль-Нашиф во время его командировок по городам Болгарии.

Первый заявитель утверждал, что, находясь в г. Смолян, он продолжал «постоянно» проживать со своей женой Хетам Салех и двумя детьми, вторым и третьим заявителями. Он представил копии двух письменных показаний, данных в июне 2000 года его женой, г-жой Салех, и его невесткой, женой брата, который проживал в Болгарии с 1998 года, подтверждающий, что г-н Аль-Нашиф проживал в г. Смолян с г-жой Салех.

В заявлении, сделанном 19 января 2001 года по просьбе правительства для целей слушания по данному делу, г-жа М. заявила, что первый заявитель проживал с ней в г. Смолян.

19. Г-жа М. страдала от психического расстройства. В декабре 1996 года она была госпитализирована в психиатрическую клинику. После этого она в Смолян не вернулась и оставалась в Софии.

20. В течение 1997 года первый заявитель посещал г-жу М. в Софии. Их отношения закончились в начале 1998 года.

В. Аннулирование разрешения на жительство первого заявителя

21. 14 января 1999 года полицейский в г. Смолян доложил своему начальству (см. пункт 63 ниже) о религиозной деятельности г-на Аль-Нашиф.

В неустановленный день в 1999 году Районная прокуратура (окръжна прокуратура) г. Смолян открыла дело № 18/99, которое позже было передано в полицию.

Местная полиция в г. Смолян, по направлению Департамента документов, удостоверяющих личность и паспортного режима (Направление «Документы за самоличност и паспортен режим») Национального управления полиции при Министерстве внутренних дел (далее – паспортный отдел) от 18 марта 1999 года предложила аннулировать разрешение на жительство первого заявителя.

22. 19 апреля 1999 года паспортный отдел издал Приказ (далее – Приказ № 63552), аннулирующий разрешение на постоянное жительство первого заявителя. Приказ гласил, что аннулирование было основано на Разделе 40 (1)(2) и Разделе 10 (1)(1) Закона об иностранцах (Закон за чужденците), которые предусматривают аннулирование разрешений на жительство иностранцев, которые представляют собой угрозу «безопасности или интересам болгарского государства» (см. пункт 68 ниже). Более подробная информация не была предоставлена. Приказ был передан в полицию г. Смолян с указанием уведомить первого заявителя и дать ему 15 дней на то, чтобы покинуть страну.

Приказ № 63552 был предъявлен первому заявителю 27 апреля 1999 года. Ему не предоставили никакой дополнительной информации.

23. 30 апреля 1999 года в двух национальных газетах, «Думе» и «Мониторе», были опубликованы статьи, объясняющие, что первый заявитель не имел разрешения на преподавание мусульманской религии, что он принял участие в несанкционированном религиозном семинаре в 1997 году и был связан с фундаменталистской организацией «Братя-мусульмане».

24. В мае и июне 1999 года местный мусульманский религиозный лидер в г. Смолян и Верховный муфтий болгарских мусульман направили в Министерство внутренних дел и другие учреждения письма в поддержку первого заявителя. Они подтвердили, что г-н Аль-Нашиф преподавал с их разрешения, и в полном соответствии с пунктом 5 Статьи 21 Устава мусульманской религиозной конфессии, который в

свою очередь был утвержден Советом Министров. Верховный муфтий также заявил, что полиция г. Смолян сделала клеветнические заявления в прессе, ложно представив г-на Аль-Нашиф как опасного террориста, связанного с фундаменталистской организацией. Местный мусульманский религиозный лидер в г. Смолян заявил, в частности, о том, что меры, предпринятые против г-на Аль-Нашиф являлись «демонстрацией и подстрекательством антиисламских тенденций и ксенофобии».

25. В мае 1999 года первый заявитель получил справку о том, что он до этого никогда не был осужден за уголовное преступление. Справка была ему необходима для того, чтобы подать ходатайство о получении болгарского гражданства.

С. Задержание и депортация первого заявителя; последующие события

26. 9 июня 1999 года Национальное управление полиции издало Приказы № 503 и 504 о депортации первого заявителя, его задержании и высылке с территории Болгарии.

27. Приказ № 504 гласил, что первый заявитель должен был быть депортирован на основании Раздела 42 Закона об иностранцах. Было также указано, что, в соответствии с Разделом 44 (4) Закона об иностранцах, первый заявитель должен был быть помещен в Центр временного размещения взрослых (Дом за временно настаняване на пълнолетни лица) в Софии. Наконец, Приказ № 504 гласил, что в соответствии с Разделом 47 (1) Закона об иностранцах решение не подлежало обжалованию. Приказом № 503 первому заявителю был запрещен повторный въезд на территорию Болгарии.

Оба Приказа не указывали каких-либо оснований для своих решений.

28. Они были предъявлены первому заявителю 10 июня 1999 года в г. Смолян, в местном полицейском участке, в присутствии его адвоката. Ему не предоставили более подробную информацию о причинах, лежащих в основе мер, предпринятых против него. Он был немедленно арестован и помещен в следственный изолятор в Софии.

29. В тот же день Министерство внутренних дел опубликовало пресс-релиз, в котором упоминались Приказы о депортации и высылке первого заявителя. В частности, он гласил:

«В 1995 году г-н Аль-Нашиф предпринял шаги ... с целью открытия исламского религиозного учебного центра. Это вызвало значительную негативную общественную реакцию, которая была отражена в средствах массовой информации, а вмешательство государственных органов ... помешало реализации проекта.

В 1997 году семинар по изучению ислама был проведен в Нареченски Бани при активном участии г-на Аль-Нашиф. Эти мероприятия организаторов, включая г-

на Аль-Нашиф, были признаны незаконными и прекращены полицией. [Организаторы и г-н Аль-Нашиф] были предупреждены, что они не имели права участвовать в таких мероприятиях без разрешения и лицензии, полученными в соответствии с законом.

В конце 1998 и в начале 1999 года стало известно, что г-н Аль-Нашиф преподавал Коран ... несовершеннолетним, организованным в группы по 10-15 человек, при финансовой поддержке компании ... [неразборчиво]. Был проведен опрос, который показал, что г-н Аль-Нашиф занимался деятельностью, на которую не имел ни разрешения, ни квалификации. Таким образом, и в соответствии с ... Законом об иностранцах, его разрешение на жительство было аннулировано ... Были выданы Приказы о его депортации и высылке ... [и] предъявлены 10 июня 1999 года ... Аль-Нашиф был помещен в [изолятор временного содержания] в Софии и будет депортирован...»

30. Условия в СИЗО, который находится в непосредственной близости от аэропорта Софии, эквивалентны условиям содержания в тюрьме. Заключенные постоянно находились за решеткой и могли покидать камеры для ежедневной часовой прогулки, а также на время, необходимое для пользования туалетом утром и вечером.

31. Г-н Аль-Нашиф содержался там в течение 26 дней в полной изоляции. Несмотря на многочисленные просьбы его адвоката, правозащитных организаций и представителей мусульманской общины, ему не разрешили ни одной встречи с посетителями.

32. После ареста первого заявителя 10 июня 1999 года компетентные органы отметили, что у него не было документа, позволяющего осуществлять международные поездки. 14 июня 1999 года паспортный отдел обратился в МИД Болгарии с просьбой оказать содействие в получении пропуска (*laissez-passer*) в посольстве Сирии в Софии. Сирийское посольство выдало этот документ 28 июня 1999 года. 1 июля 1999 года паспортный отдел обратился в Балканские болгарские авиалинии.

4 июля 1999 года первый заявитель был депортирован из Болгарии. Он был доставлен в аэропорт и посажен на первый доступный прямой рейс в Дамаск.

33. Его жена, госпожа Салех, и их дети первоначально оставались в Болгарии. В мае 2000 года второй заявитель, которому на тот момент было семь лет, закончил первый класс начальной школы в городе Смолян. Третий заявитель, которому на тот момент было шесть лет, посещал подготовительную школу.

34. Поскольку г-жа Салех не имела никакого дохода в Болгарии, а первый заявитель не мог обеспечивать финансовую поддержку из Сирии, 29 июня 2000 года г-жа Салех, второй и третий заявители покинули Болгарию. Сначала они направились в Сирию, где в течение месяца проживали с г-ном Аль-Нашиф. Учитывая, что для проживания семьи там не было места, г-жа Салех и дети поехали в Иорданию, в дом родителей г-жи Салех. Г-н Аль-Нашиф отправился в Иорданию на

основании месячной визы и 5 сентября 2000 года вернулся в Сирию, поскольку не имел законного права оставаться в Иордании.

D. Попытки первого заявителя обжаловать меры, предпринятые против него

1. Обжалование Приказа № 63552

35. 4 мая 1999 года адвокат г-на Аль-Нашиф подал апелляции в отношении Приказа № 63552 (аннулирование разрешения на жительство) в Верховный административный суд (Върховен административен съд) и Министерство внутренних дел.

36. Последняя апелляция была отклонена 1 июня 1999 года Национальным управлением полиции при Министерстве внутренних дел. В решении говорилось, что в соответствии с Разделом 47 (1) Закона об иностранцах, Приказ, касающийся вопроса национальной безопасности, не подлежит пересмотру.

37. Апелляция в Верховный административный суд была передана по решению суда в Министерство внутренних дел с инструкциями для оформления материалов дела. Впоследствии она была передана в Софийский городской суд (Софийски градски съд), который имел юрисдикцию для ее рассмотрения.

38. 28 июня 1999 года Софийский городской суд, заседая в составе судейской палаты, удовлетворил просьбу адвоката г-на Аль-Нашиф об отсрочке исполнения решения. Суд отметил, что Приказы, изданные в соответствии с Законом об иностранцах, не подлежат рассмотрению в судебном порядке, если они непосредственно касались вопросов национальной безопасности. Суд признал, однако, что доказательства, представленные ему Министерством внутренних дел, не поддерживают утверждение, что первый заявитель представляет угрозу национальной безопасности или национальным интересам. В этих обстоятельствах суд посчитал, что жалоба не может быть признана неприемлемой на данном этапе, и необходимо проведение слушаний. Суд признал, что до начала слушания было бы целесообразно приостановить исполнение Приказа № 63552, чтобы избежать нарушения прав первого заявителя.

39. 30 июня 1999 года паспортный отдел подал возражение в Софийский городской суд в отношении его Постановления от 28 июня 1999 года и представил «справку» № 2701/30.6.99, в которой было указано, что г-н Аль-Нашиф

“совершил действия против национальной безопасности и интересов Республики Болгария, состоящие из незаконной религиозной деятельности на территории страны, посягающей на национальные интересы и права религиозных, этнических групп и меньшинств в сфере сохранения национальных и культурных ценностей и традиций”.

40. 1 июля 1999 года Софийский городской суд, заседая в составе судейской палаты, отменил свое Постановление от 28 июня 1999 года и отклонил апелляцию первого заявителя в отношении Приказа № 63552. Суд отметил, что паспортный отдел засвидетельствовал, что г-н Аль-Нашиф совершил действия против национальной безопасности. Суд также отметил, что паспортный отдел классифицировал эти действия как таковые, что регулируются Разделом 10 (1)(1) Закона об иностранцах. Из этого следует, что Приказ № 63552 касается вопросов национальной безопасности и не подлежит судебному рассмотрению.

41. Адвокат первого заявителя узнал об отклонении апелляции г-на Аль-Нашиф 26 июля 1999 года. 28 июля 1999 года она обратилась в Верховный административный суд. Эти разбирательства закончились приговором Верховного административного суда от 4 апреля 2000 года, который установил, что Приказы, изданные в соответствии с Разделом 40 (1)(2) и Разделом 10 (1)(1) Закона об иностранцах не подлежат обжалованию и требуют обоснования. В них должны лишь быть указаны правовые положения, на основании которых они были приняты.

2. Обжалование содержания под стражей

42. 17 июня 1999 года адвокат первого заявителя обратилась в Софийский городской суд с апелляцией против его содержания под стражей. Она ссылаясь на пункт 4 Статьи 5 Конвенции. В неустановленный день председатель Софийского городского суда постановил, что апелляция является неприемлемой.

43. 19 июня 1999 года адвокат первого заявителя обратилась с жалобой в компетентные органы прокуратуры относительно задержания г-на Аль-Нашиф и заявила, что ей было отказано в доступе к ее подзащитному. 27 июля 1999 года компетентный орган прокуратуры отклонил апелляцию. Было установлено, что полиция действовала в пределах своих полномочий.

3. Обжалование Приказа № 504

44. 18 июня 1999 года адвокат первого заявителя обратилась в Софийский городской суд с апелляцией против Приказа № 504 (о депортации и задержании). Адвокат заявила, в частности, что апелляция первого заявителя против аннулирования его разрешения на жительство (против Приказа № 63552) находилась на рассмотрении, что он никогда не стремился скрыться, и что он добровольно явился в полицию г. Смолян по повестке. Она снова сослалась на пункт 4 Статьи 5 Конвенции и Статью 13 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), а также просила об отсрочке исполнения решения.

45. Данные разбирательства не привели к принятию решения. 7 сентября 1999 года паспортный отдел представил ответ с просьбой отклонить апелляцию. Слушания по делу проведено не было.

4. Другие апелляции

46. 11 июня 1999 года адвокат первого заявителя подала жалобы в Министерство внутренних дел, Генеральному прокурору (Главен прокурор) и другие учреждения. Она указывала на нарушения, в частности, Статьи 8 Конвенции и Статьи 13 МПГПП.

Е. Религиозная деятельность г-на Аль-Нашиф

1. Бесспорные факты

47. В августе 1997 года г-н Аль-Нашиф принял участие в религиозном семинаре в Нареченски Бани. В семинаре приняли участие несколько болгарских мусульманских религиозных лидеров национального и регионального уровня, в том числе человек, который в ноябре 1997 года был избран на должность, а затем зарегистрирован компетентным правительственным органом как Верховный муфтий болгарских мусульман. В определенный момент во время семинара приехала полиция и изъяла печатные материалы и видеозаписи, используемые на семинаре. Уголовные дела против участников семинара заведены не были.

48. В ноябре 1998 года первый заявитель начал вести религиозные занятия. Они проходили каждую субботу и воскресенье с 4 до 6 часов вечера в здании районной мусульманской организации в г. Смолян, и их посещали мусульманские дети, а иногда и их родители. Занятия были организованы совместно с Советом мусульманской религиозной общины в г. Смолян. 15 сентября 1998 года Совет пригласил г-на Аль-Нашиф преподавать курс исламской религии детям и их родителям. Его решение гласило, что первый заявитель был пригоден для работы, поскольку знал болгарский язык и имел хорошую репутацию. 5 ноября 1998 года Районное муфтийство (районно мюфтийство) выдало первому заявителю справку о том, что он уполномочен проповедовать на территории района Смолян в соответствии, в частности, с Уставом мусульманского вероисповедания в Болгарии и решением Верховного мусульманского совета (Висш мюсюлмански съвет). Справка была позже подтверждена Верховным муфтием болгарских мусульман.

2. Обвинения правительства - ответчика

(а) Предполагаемый проект открытия исламского учебного центра в 1995 году

49. Правительство утверждает, что вскоре после прибытия в г. Смолян в 1995 году первый заявитель, вместе с местными мусульманами, пытался организовать исламский учебный центр, что он арендовал дом для этой цели, что его планы вызвали негативную реакцию общественности и что после установления, через запрос, что требования Закона о вероисповедании не были соблюдены, компетентные органы предотвратили реализацию проекта. Предположительно существовала опасность, что исламский центр будет распространять экстремистские взгляды. Г-н Аль-Нашиф был устно предупрежден о недопустимости участия в незаконных религиозных мероприятиях.

50. В поддержку этого утверждения Правительство представило копии нескольких газетных статей и четыре заявления, одно из которых подписали 65 жителей г. Смолян, протестующих против открытия исламского центра в городе.

Суд отмечает, что имена тех, кто подписал протест, предполагают, что он был поддержан исключительно болгарскими жителями.

51. Правительство не представило никакой информации, относящейся к предполагаемому запросу, направленному компетентными органами или требованиям Закона о вероисповедании, которые якобы не были выполнены.

52. Первый заявитель утверждал, что он собирался открыть учебный компьютерный центр, но отказался от своих планов после враждебной реакции людей, которые считали, что компьютерный центр будет прикрытием для религиозных курсов.

(b) Предполагаемый агрессивный фундаменталистский прозелитизм

53. Правительство утверждало, что первый заявитель пытался навязывать фундаменталистский ислам посредством использования силы и угроз.

54. В поддержку этого утверждения правительство представило два заявления г-жи М., лица, на которой первый заявитель женился в рамках мусульманской религиозной церемонии.

Первое заявление было написано ею 2 сентября 1996 года. В тот день г-н Аль-Нашиф запер ее в своей комнате в отеле, где они остановились во время поездки в Плевен. Г-жа М. вызвала полицию. Она и первый заявитель были доставлены в полицейский участок, где представили письменные заявления и были освобождены. Г-ну Аль-Нашифу не было предъявлено никаких обвинений по этому поводу. Он утверждал, что

запер дверь, поскольку г-жа М. находилась в подавленном состоянии и могла навредить себе.

55. В своем заявлении в полицию г-жа М. написала, что первый заявитель сказал ей, что она должна верить в Мухаммеда, или гореть в аду, но она ответила, что любит Иисуса Христа. Первый заявитель также сказал ей, чтобы она одевалась как мусульманка. Она также заявила, что прочла в местной прессе об угрозе фундаментализма в г. Смолян. Она знала, что люди с «черными портфелями, полными 100-долларовых купюр» приезжали в Болгарию с целью распространения ислама, промывания мозгов болгар и ведения «джихада - смерти для христиан». Она знала, что они использовали «бомбы, оружие, седативные препараты и другие недопустимые средства для того, чтобы переправить в страну нелегальные [копии] Корана, наркотики, и пр.».

56. Правительство представило второе письменное заявление г-жи М., которое было сделано 19 января 2001 года и было обращено к Суду для целей этого разбирательства. В этом заявлении г-жа М. повторила ранее упомянутые обвинения и добавила, что первый заявитель имел дело с большими объемами денежных средств, давал деньги на строительство мечетей и религиозных школ и раздавал еду и одежду. Он якобы записывал на видеокассеты результаты своей деятельности и отправлял их своим меценатам «в исламские государства».

(с) Предполагаемые связи с фундаменталистскими организациями

57. Правительство заявило, (в представлениях Суду и «информационном бюллетене», представленном ниже), что г-н Аль-Нашиф был представителем исламского фонда «*Tayba*», который якобы продолжал деятельность «запрещенных» фондов «*Irshad*» и «*Al Wakf Al Islami*».

Кроме того, г-н Аль-Нашиф зарегистрировал несколько коммерческих фирм в Болгарии и его партнерами в этих фирмах были лица, которые координировали деятельность фундаменталистских организаций, таких, как «*Tayaba*», «*Irshad*» и «*El-Manar*». Наконец, имеется информация, что г-н Аль-Нашиф осуществлял управление и координацию «нелегитимного» болгарского представительства Союза исламских организаций.

Правительство не представило дополнительную информацию об этих организациях.

58. Первый заявитель ответил, что он никогда не был представителем фонда «*Tayba*», который, в любом случае, с 2001 года по-прежнему функционирует на законных основаниях в Болгарии. Он был зарегистрирован в Болгарии в 1995 году. Решением № 325 от 7 июля 1998 года Совет министров уполномочил Фонд участвовать в религиозной деятельности.

Фонд «*Irshad*» также не является фундаменталистской организацией. Он был зарегистрирован в Болгарии в 1991 году и совсем недавно, в 2001 году компетентный суд подтвердил, что его регистрация не была прекращена. Бывший Верховный муфтий, избрание которого на этот пост было зарегистрировано правительством в 1997 году, был членом его Правления.

Фонд «*El-Manar*» действительно прекратил свое существование 15 февраля 1996 года на том основании, что его цели были незаконными. Тем не менее, его представитель не был среди лиц, названных правительством в качестве деловых партнеров г-на Аль-Нашиф.

Заявители представили копии сертификатов, выданных регистратором юридических лиц при компетентном суде.

(d) Предполагаемая фундаменталистская деятельность на семинаре в Нареченски Бани

59. Правительство заявило, что семинар был организован при содействии фонда «*Irshad*», который якобы известен как одно из замаскированных представительств фундаменталистской организации «Братья – мусульмане». Полиция посчитала проведение семинара незаконным и опасным для национальной безопасности. Печатные и видео материалы, которые были конфискованы, содержали проповедование «религиозного и этнического экстремизма». Полиция остановила проведение семинара. Два инструктора, которые принимали в нем участие, были депортированы из Болгарии. Г-н Аль-Нашиф якобы был одним из его организаторов. Он и все остальные участники получили устные предупреждения.

60. В поддержку этих обвинений, правительство представило копии газетных статей.

61. Заявители представили заявление Верховного муфтия болгарских мусульман от 1 августа 2000 года, очевидно подготовленное для целей настоящего дела, заявив, что единственным спонсором семинара 1997 года была Международная ассамблея молодежи «*Nedua*», зарегистрированная в Саудовской Аравии и во многих других странах, включая Болгарию. Верховный муфтий также заявил, что семинар был посвящен традиционному религиозному обучению. Полиция прибыла туда, по-видимому, в ответ на анонимный звонок. Она забрали материалы, часть которых затем вернула. Поскольку полицией не было установлено каких-либо нарушений, семинар продолжился после перерыва.

(e) Предполагаемая опасность, вытекающая из обучения исламу, проводимому первым заявителем с ноября 1998 года по апрель 1999 года

62. Правительство заявило, что на фоне религиозной деятельности первого заявителя в период между 1995 и 1998 годом, власти оправданно опасались, что его занятия для детей могут нести угрозу.

63. В поддержку этого утверждения правительство представило копии газетных статей и копию страницы рапорта полицейского в г. Смолян, поданного его начальству. В рапорте от 14 января 1999 года указано следующее:

“Настоящим сообщаю, что я получил следующую информацию через третье лицо:

...[А] Г-н Дариуш Ауни, гражданин Сирии, проповедует для некоторых жителей окрестности [г. Смолян].

Он распространяет арабскую литературу и предлагает помощь: деньги, а также [жертвенное] мясо, Курбан. Существуют признаки того, что распространяются аудиокассеты религиозного содержания и что люди слушают их дома”.

64. Первый заявитель категорически отрицал утверждение, что он предлагал деньги или любые другие стимулы для поощрения посещаемости своих религиозных курсов.

(f) «Информационный бюллетень» Службы национальной безопасности

65. После слушания по вопросу приемлемости и по существу дела правительство представило «информационный бюллетень», выданный 19 января 2001 года Службой национальной безопасности, очевидно, для целей разбирательства по данному делу. В бюллетене перечислялись обвинения, выдвинутые правительством в отношении религиозной деятельности г-на Аль-Нашиф, в том числе утверждение г-жи М. о том, что он получал деньги из-за рубежа «в чемоданах полных 100-долларовых купюр».

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

A. Конституция

66. Статья 120 гласит:

“(1) Суды должны рассмотреть законность действий и решений администрации.

(2) Физические и юридические лица имеют право обжаловать все административные акты и решения, которые затрагивают их, за исключением случаев, прямо предусмотренных Парламентским актом”.

B. Закон об административной процедуре

67. Этот закон устанавливает общие правила, касающиеся вынесения и обжалования административных решений.

Согласно Разделам 33-35 и 37, все административные решения подлежат рассмотрению в судебном порядке, кроме, в частности, тех, которые «непосредственно касаются национальной безопасности и обороны».

С. Закон об иностранцах от декабря 1998 года, его применение и толкование

1. Закон об иностранцах, действующий в соответствующее время

68. Раздел 40 (1)(2) и Раздел 10 (1)(1) предусматривают, что Министр внутренних дел или другие должностные лица, уполномоченные им, могут аннулировать разрешение на жительство иностранца, «если тот своими действиями ставит под угрозу безопасность или интересы государства Болгария, или есть информация, что он действует против безопасности страны».

Раздел 42 предусматривает, что Министр внутренних дел или другие должностные лица, уполномоченные им, могут приказывать депортировать иностранца, если «его присутствие в стране создает серьезную угрозу национальной безопасности или общественному порядку».

69. Раздел 44 (4), насколько применимо, предусматривает следующее:

“До [его] ... депортации ... иностранец может быть помещен в специализированный центр по усмотрению Министра внутренних дел или других должностных лиц, уполномоченных им”.

70. Раздел 47 предусматривает, будучи в силе в соответствующее время, что:

“(1) Приказы, изданные в соответствии с Главой V Части 1 о применении административных мер, которые непосредственно касаются национальной безопасности, не подлежат обжалованию.

(2) Эти Приказы должны содержать только их юридическое обоснование”.

2. Применение и толкование

71. Болгарские суды не сошлись во мнении по вопросу, является ли ссылка на национальную безопасность в обосновании Приказа, изданного в соответствии с Законом об иностранцах достаточной, чтобы объявить жалобу против такого Приказа неприемлемой, или же требуется какое-то доказательство того, что национальная безопасность была действительно под угрозой (см. пункты 38-41 выше и решение Верховного административного суда от 26 июля 2000 года по делу № 5155-I-2000).

72. В декабре 2000 года Парламент принял закон о толковании Раздела 47 Закона об иностранцах, уточнив, что суд, рассматривающий вопрос о приемлемости жалобы против административного решения, приводящий в качестве юридического обоснования Раздел 10 (1)(1) Закона об иностранцах («непосредственная связь с национальной безопасностью») должен автоматически объявить жалобу неприемлемой без сбора доказательств. Ходатайство 56 членов Парламента и судей Высшего административного суда с заявлением, что закон о толковании, насколько применимо, является неконституционным, было отклонено Конституционным судом 29 мая 2001 года по формальным основаниям.

3. Решение Конституционного Суда от 23 февраля 2001 года

73. 23 февраля 2001 года Конституционный суд вынес решение по делу, инициированному 55 членами Парламента, которые считали, что Раздел 47 (1) Закона об иностранцах должен быть отменен как неконституционный и противоречащий Конвенции.

74. В Конституционном Суде не было достигнуто большинства, равное количеству судей проголосовало как в поддержку жалобы, так и против нее.

Согласно практике Конституционного Суда, в такой ситуации запрос об отмене правового положения считается автоматически отклоненным.

75. Судьи, которые посчитали, что Раздел 47 (1), не противоречит Конституции и Конвенции, посчитали, что Конституция уполномочивает Парламент исключить право на судебный пересмотр некоторых категорий административных решений при условии, что гарантированная Конституцией законная цель имеет преимущественное юридическое действие над интересами защиты основных прав и свобод. Национальная безопасность является такой законной целью. Ее защита имеет приоритет над защитой прав и свобод человека. Раздел 47 (1) Закона об иностранцах учитывает тот факт, что конфиденциальная информация находилась под угрозой в решениях о депортации, основанных на соблюдении национальной безопасности. Желание иностранца, который поставил под угрозу безопасность или интересы болгарского государства не может превалировать над соображениями национальной безопасности. Кроме того, существовала возможность подачи административной жалобы Министру внутренних дел или Совету министров, которая была достаточным средством правовой защиты.

Касательно Конвенции, ее положения допускают ограничения прав человека в целях защиты национальной безопасности и не закрепляют право на судебное обжалование решений о депортации.

76. Судьи, которые постановили, что Раздел 47 (1) является неконституционным, считали, что закрепленный в Конституции

принцип соразмерности требует, чтобы ограничения конституционных прав не выходили за рамки того, что крайне необходимо для достижения преследуемой законной цели, и что следует учитывать фундаментальную важность права на средство правовой защиты, закрепленного в Статье 120 Конституции. Лишение иностранца возможности судебного пересмотра решения о депортации является несоразмерной мерой. Интересы национальной безопасности были достаточно защищены, поскольку администрация могла потребовать немедленной депортации, несмотря на отложенное ходатайство о судебном рассмотрении. Кроме того, информация о возможности административного обжалования является недостоверной.

77. Вторая группа судей также считает, что оспариваемое положение несовместимо с положениями Конвенции, как они интерпретируются в судебной практике Европейского суда по правам человека.

Невозможность судебного рассмотрения может привести к нарушениям Статьи 3 Конвенции, если иностранец будет депортирован в страну, где рискует подвергнуться бесчеловечному обращению.

Судьи также заявили, в частности:

“Закон об иностранцах позволяет задерживать [иностранцев ожидающих депортации] по усмотрению Министерства внутренних дел, без ограничения во времени ... Ни данный Закон, ни любой другой закон не предусматривают возможности пересмотра ... [Однако] пункт 4 Статьи 5 Конвенции требует предоставления правовой защиты ...

Депортация ... может представлять собой вмешательство в семейную жизнь [в соответствии со Статьей 8 Конвенции]. Таким образом, должна быть проведена оценка того, обязательна ли такая мера в интересах национальной безопасности в демократическом обществе...

Национальная безопасность является одной из ценностей демократического общества, так же, как и основные права и свободы человека. Внутренняя правовая норма считается такой, что противоречит Конвенции, если отсутствуют гарантии недопущения административного злоупотребления и произвольного задержания. Эти гарантии должны быть предусмотрены законом. Баланс между основными правами и общественными интересами должен оцениваться в каждом случае судом или другим органом, независимым от исполнительной власти”.

4. Поправки к Закону об иностранцах, вступившие в силу в апреле 2001 года

78. В апреле 2001 года в Закон об иностранцах были внесены поправки. Была предусмотрена возможность подачи административной жалобы Министру внутренних дел (Раздел 46, с изменениями). Новый Раздел 44 а гласил, что иностранцы не должны высылаться в страну, где их жизнь, свобода или телесная неприкосновенность будет находиться под угрозой.

Правило, предусматривающее, что решения со ссылкой на национальную безопасность в качестве основания не должны содержать

обоснования и подлежать судебному рассмотрению, осталось в силе (Раздел 46 (2) и (3)). Закон не требует рассмотрения вопроса, является ли решение о депортации нарушением права иностранцев на семейную жизнь, и, если да, был ли обеспечен справедливый баланс между интересами общества и правами таких лиц.

Д. Закон о вероисповеданиях 1949 года и Устав мусульманской конфессии в Болгарии

79. Разделы 6 и 30 Закона о вероисповеданиях предусматривают, в частности, что Устав и Правила религиозной конфессии должны быть представлены на утверждение Совета Министров или одного из Вице-премьеров. Если они содержат положения, которые противоречат законам, общественному порядку или нравственным нормам, Совет министров может потребовать их изменить, или отказаться утвердить их.

80. Раздел 30 предусматривает также, что Устав и Правила религиозной конфессии должны регулировать все вопросы, связанные с ее финансами и внутренним саморегулированием, поскольку эти вопросы не регулируются Законом о вероисповеданиях. Закон о вероисповеданиях не содержит положений, регулирующих религиозное обучение, за исключением Раздела 14, который касается открытия школ и учреждений высшего образования для подготовки священнослужителей.

81. Устав мусульманской религиозной организации в Болгарии, действующий в соответствующее время, был принят на национальной конференции верующих мусульман, состоявшейся 23 октября 1997 года. 28 октября 1997 года он был утвержден Вице-премьер-министром.

82. Разделы 13 и 21 Устава предусматривают право местных мусульманских советов (настоятельств) и районных мусульманских советов (районни мюсюлмански съвети), являющимися компетентными, в частности организовать занятия по изучению Корана.

Е. Рамочная Концепция национальной безопасности

83. Правительство использовало в своих представлениях Рамочную Концепцию национальной безопасности, декларацию, принятую Парламентом в апреле 1998 года. Оно ссылалось на пункты, в которых была определена национальная безопасность, которые включают в себя следующее:

“...защита основных прав и свобод болгарских граждан, защита национальных границ, территориальной целостности и независимости, ... и демократическое функционирование государственных и частных учреждений, для обеспечения сохранения и приумножения благосостояния общества и народа”.

Рамочная Концепция в дальнейшем указывала на возможные угрозы национальной безопасности и гласила, в частности:

“Экономические и социальные различия в Европе усугубились и, таким образом, возникли новые риски и опасность. Возникли конфликты на этнической, религиозной и социальной почве ... Религиозные и этнические общины, некоторые из которых находятся в конфликте, сосуществуют в юго-восточной Европе. С момента образования новых государств, некоторые общины проявили тенденцию к закрытости. Это резко увеличило региональные угрозы нашей национальной безопасности Религиозный и этнический экстремизм влияет на местные общины, которые не имеют устоявшихся демократических традиций...”.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

84. Правительство указало, что внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны, поскольку жалоба в отношении Приказа № 503 не была представлена, второй и третий заявители не инициировали разбирательство, а первый заявитель не представил на рассмотрение национальными судами жалоб, касающихся его семейной жизни или религиозных свобод, за исключением тех, которые были включены в обращение от 21 июня 1999 года, которое, однако, было подано в суд, не обладающий юрисдикцией для ее рассмотрения.

85. Заявители указали на необоснованность возражения правительства в отношении неисчерпанности внутренних средств правовой защиты и сослались на свои жалобы в соответствии со Статьей 13 Конвенции.

86. Суд отмечает, что первый заявитель и его адвокат подали многочисленные жалобы в суды и другие компетентные органы. Однако, поскольку оспариваемые меры имели в своей основе соображения национальной безопасности, ни одна из жалоб не была рассмотрена (см. пункты 35-46 выше). Правительство не объяснило, почему оно посчитало, что заявители имели бы больше шансов на рассмотрение их дела, подав еще одну жалобу от имени всех трех из них, оспаривая Приказ № 503, или добавив акцент на их семейную жизнь и религиозные права в тексте своих представлений. Отсюда следует, что возражение в соответствии с пунктом 1 Статьи 35 Конвенции должно быть отклонено.

87. Кроме того, в своих замечаниях по существу, правительство указало новое возражение, утверждая, что со стороны заявителей имели место нарушения, поскольку они незамедлительно не проинформировали суд о том, что г-жа Салех и ее дети покинули Болгарию 29 июня 2000 года.

88. Г-н Грозев, адвокат заявителей, пояснил, что, хотя он был уведомлен в начале весны 2000 года о финансовых трудностях г-жи Салех в г. Смолян и ее предварительного намерения уехать из Болгарии, он не обсуждал этот вопрос с первым заявителем, который находился в Сирии. Адвокат надеялся сделать это в Страсбурге перед началом слушания. Французский консул в Дамаске, однако, не рассмотрел заявление г-на Аль-Нашиф о получении визы. На слушании, не будучи уверен в точных фактах, адвокат предпочел уточнить их и только потом сообщить Суду. Он сделал это сразу после слушания, по собственной инициативе.

89. Суд, полагая, что жалоба, намеренно основанная на описании фактов, минуя события первоочередной важности, в принципе представляет собой нарушение права на подачу жалобы в соответствии с пунктом 3 Статьи 35 Конвенции, не считает установленным, что такая ситуация возникла в данном случае, принимая во внимание этап судебного разбирательства, с тем, что якобы сокрытая информация, касалась только новых событий после депортации, на которые подавалась жалоба и объяснения адвоката заявителей.

Возражения правительства, следовательно, были отклонены.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

90. Первый заявитель подал жалобу в соответствии с пунктом 4 Статьи 5 Конвенции о том, что болгарское законодательство не предусматривает судебного рассмотрения в отношении его содержания под стражей, что он был задержан без права переписки и общения (*incommunicado*) и не мог встретиться с адвокатом.

Пункт 4 Статьи 5 гласит:

“Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным”.

91. Правительство утверждало, что содержание под стражей до депортации должно было быть настолько коротким, что судебный пересмотр не должен был быть инициирован, и что болгарские власти не несут ответственности за то, что г-н Аль-Нашиф не мог быть немедленно депортирован после ареста.

92. Суд напоминает, что каждый заключенный под стражу имеет право на пересмотр законности его содержания под стражей судом, независимо от продолжительности заключения. Требование Конвенции о том, что лишение свободы должно подлежать независимому судебному рассмотрению, имеет принципиальное значение в контексте основной цели Статьи 5 Конвенции, которая состоит в обеспечении

гарантий против произвольного задержания. Под угрозу поставлена одновременно защита физической свободы лиц, а также их личная безопасность.

Заинтересованное лицо должно иметь доступ к суду и возможность быть выслушанным либо лично, либо через своего представителя (см. Постановление по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» («*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*») от 18 июня 1971 года, Серия А, № 12, пп. 73-76, постановление по делу «Винтерверп против Нидерландов» («*Winterwerp v. the Netherlands*») от 24 октября 1979 года, Серия А, № 33, пп. 60 и 61, и постановление по делу «Курт против Турции» («*Kurt v. Turkey*») от 25 мая 1998 года, *Отчеты о постановлениях и решениях* 1998-III, п. 123 и дело «Варбанов против Болгарии» («*Varbanov v. Bulgaria*»), № 31365/96, ЕСПЧ 2000-Х, п. 58).

93. В данном случае является бесспорным тот факт, что в болгарском законодательстве судебному обжалованию не подлежит содержание под стражей в ожидании депортации в тех случаях, когда приказ о депортации выдается на основании соображений национальной безопасности (см. пункты 67-70, 77 и 78 выше). В результате, попытки первого заявителя инициировать судебный пересмотр законности его содержания под стражей были безрезультатными (см. пункты 42-45 выше).

94. Согласно соответствующему законодательству и практике, решение о том, должен ли приказ о депортации и содержании под стражей ссылаться на соображения национальной безопасности - что автоматически исключает любое судебное рассмотрение его законности - полностью находится в компетенции Министерства внутренних дел. Ни один суд не уполномочен расследовать законность содержания под стражей. В приказе о задержании, как в данном случае, не указываются никакие основания (см. пункты 68-72 выше). Кроме того, г-н Аль-Нашиф содержался практически в полной изоляции и ему не позволили встретиться с адвокатом, чтобы обсудить возможную юридическую жалобу относительно мер, предпринятых против него.

Это ситуация несовместима с пунктом 4 Статьи 5 Конвенции и ее логическим обоснованием, касающимся защиты лиц от произвольного задержания. Национальные власти не могут снимать ответственность за эффективный контроль законности содержания под стражей с национальными судами, во всех случаях, когда утвердятся, что дело касается вопросов национальной безопасности и терроризма (см. Постановление по делу «Чахал против Великобритании» («*Chahal v. the United Kingdom*») от 15 ноября 1996 года, *Отчеты* 1996-V).

95. В деле Чахал, Суд установил, что, даже если были использованы конфиденциальные материалы, касающиеся национальной безопасности, власти не освобождаются от эффективного судебного контроля законности задержаний. Суд подчеркнул важность

информации о том, что в других странах существуют процедуры, которые могли бы быть использованы, поскольку учитывают законные соображения безопасности, природу и источники секретной информации, и предоставляют лицам достаточные средства процессуального права.

96. В более поздних делах (см., например, дело *«Джаспер против Великобритании»* (*«Jasper v. the United Kingdom»*), № 27052/95, неопубликованное) Суд отметил, что после принятия Постановления по делу Чахал и Постановления по делу *«Тинелли против Великобритании»* (*«Tinnelly v. the United Kingdom»*) (10 июля 1998 года, *Отчеты* 1998-IV), Великобритания приняла законодательство, предусматривающее возможность назначения «специального адвоката» в некоторых случаях, затрагивающих национальную безопасность (Специальный закон об Апелляционной комиссии по вопросам иммиграции 1997 года, и Закон Северной Ирландии 1998 года).

97. Без выражения в данной ситуации мнения о соответствии вышеуказанной системы требованиям Конвенции, Суд отмечает, что, как и в деле Чахал, указанном выше, существуют средства, которые могут быть использованы, и которые учитывают законные соображения безопасности и предоставляют лицам достаточные меры процессуального права.

98. В данном случае, однако, г-н Аль-Нашиф не был обеспечен элементарными гарантиями и защитой, предусмотренной в пункте 4 Статьи 5 4 Конвенции на случай лишения свободы.

Следовательно, имело место нарушение пункт 4 Статьи 5 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

99. Все три заявителя жаловались, что имело место произвольное вмешательство в их право на уважение семейной жизни в нарушение Статьи 8 Конвенции, которая предусматривает:

“1... Каждый имеет право на уважение его ...семейной жизни.....

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц”.

А. Возражения сторон

1. Заявители

а) Спорные факты

100. Первый заявитель категорически отрицал, что он когда-либо занимался какой-либо незаконной деятельностью и утверждал, что обвинения в том, что он был связан с фундаменталистскими организациями, проповедующими насилие, было сфабриковано и не подкреплено надежными доказательствами (см. пункты 49-65 выше). Кроме того, правительство не утверждало, что существуют другие, конфиденциальные доказательства.

101. Заявители протестовали против того, каким образом уполномоченный правительства пытался «втиснуть» доказательства путем прочтения во время устного слушания отрывков документов, не представленных в Суде. Когда эти документы были позднее представлены, они оказались заявлениями, сделанными для целей разбирательства в Суде, полными неопределенных обобщений и преувеличений, лишенных какой-либо достоверности, а именно заявления о «сотнях тысяч долларов ..., однажды ... даже двадцати тысячах долларов» в доме первого заявителя «в 100-долларовых купюрах». В Информационном бюллетене Службы национальной безопасности, кроме того, содержатся неверные утверждения, которые касаются фондов «*Tayba*» и «*Irshad*».

Реальные факты свидетельствуют, по мнению заявителей, что высылка г-на Аль-Нашиф нужна была, чтобы положить конец его законной религиозной деятельности.

б) Юридические аргументы

102. Заявители, ссылаясь на практику Суда, заявили, что они имеют право на защиту, предусмотренную Статьей 8 Конвенции, поскольку они состояли в одной семье во все соответствующие моменты времени, имеющие значение для дела, постоянно проживали вместе и были финансово зависимы друг от друга. Наличие настоящей семейной жизни между заявителями не может быть опровергнуто на том основании, что г-н Аль Нашиф вступил во второй религиозный брак. Такая ситуация не является редкостью в культурных традициях многих народов.

103. Вынужденные в 1992 году покинуть Кувейт, г-жа Салех и г-н Аль-Нашиф, лицо без гражданства, не смогли наладить прочные связи с какой-либо страной, кроме Болгарии, где они обосновались и вели семейную жизнь. Заявители просили Суд признать, что, если единственным официальным местопребыванием пары является страна, с которой ни один из них ранее не был связан, изгнание из этой страны

одного из них является вмешательством в их права в соответствии со Статьей 8 Конвенция. Они утверждали, что депортация г-на Аль-Нашиф была серьезным вмешательством в их семейную жизнь. Семья никогда не жила в Сирии и не имела реальной связи с этой страной. Кроме того, после депортации г-на Аль-Нашиф экономические и правовые препятствия помешали созданию нового семейного очага в Сирии или Иордании. Международные организации и правительства сообщили, что ситуация в области соблюдения права человека в Сирии была вопиющей, в частности, для иностранцев и лиц без гражданства.

104. Заявители утверждали, что вмешательство в их семейную жизнь основывалось на правовых положениях, в которых не было ясности и предсказуемости, в соответствии с принципом законности, как это закреплено в Конвенции, и произвольных приказах, в которых не были указаны какие-либо основания.

Закон об иностранцах уполномочил Министерство внутренних дел депортировать лиц, которые никогда не были осуждены, и не находились под следствием, на основе приказов, выданных без исследования доказательств, без возможности состязательного разбирательства, и без объяснения причин, с одновременной публикацией пресс-релизов, определяющих лицо как «угрозу национальной безопасности».

105. Вмешательство было, кроме того, несоразмерным и неоправданным. Не было никакой необходимости депортировать первого заявителя, поскольку он никогда не совершал преступлений. Г-н Аль-Нашиф никогда не занимался какой-либо незаконной или опасной деятельностью. Проводимое им религиозное обучение не представляло собой никакой угрозы. Кроме того, решения властей были ошибочными в принципе, поскольку они никогда не оценивали баланс, который необходимо установить между целями депортации и правом заявителей на уважение их семейной жизни, в том числе - таких важных факторов как интересы детей, второго и третьего заявителей, и того факта, что первый заявитель являлся лицом без гражданства.

Заявители, наконец, еще раз обратили внимание на то, что вмешательство в их семейную жизнь вызвало у них серьезные трудности.

2. Правительство

а) Спорные факты

106. Правительство сделало ряд заявлений, касающихся религиозной деятельности первого заявителя и представило в качестве доказательств заявления г-жи М., информационный бюллетень, изданный Службой национальной безопасности, выдержки из газетных статей и другие

документы (см. пункты 49-65 выше). Оно не комментировало возражения заявителей по поводу достоверности этих доказательств.

б) Юридические аргументы

107. Правительство считает, что между первым заявителем, г-жой Салех и их детьми не было семейной жизни, как это определяется Статьей 8 Конвенции, поскольку г-н Аль-Нашиф не доказал, что он состоит в законном браке с г-жой Салех и часто был вдали от семейного дома, поскольку состоял во втором браке. Эти факты, как утверждается, свидетельствует об отсутствии эмоциональной или семейной связи между г-ном Аль-Нашиф и его детьми.

108. В любом случае не было никакого вмешательства в семейную жизнь заявителей. Г-н Аль-Нашиф и г-жа Салех не имеют прочных связей с Болгарией, куда они прибыли взрослыми и где прожили всего семь лет. Г-жа Салех не работала в Болгарии, ее контакты были ограничены исключительно лицами арабского происхождения, и она не прилагала усилий для интеграции. Дети, второй и третий заявители, были в молодом и адаптивном возрасте. Несмотря на их болгарское гражданство было очевидно, что их правовой статус будет зависеть от статуса их родителей, поскольку они находились под опекой родителей. Кроме того, тот факт, что г-жа Салех и дети покинули Болгарию в июне 2000 года, подтверждает, что они не чувствовали себя привязанными к Болгарии.

В объяснении правительства не было никаких доказательств каких-либо препятствий для проживания семьи в Сирии или Иордании. Утверждение заявителей, что возвращение в Кувейт было невозможным, также не было доказано.

109. Кроме того, правительство утверждало, что, если Суд постановит, что имело место вмешательство, любое такое вмешательство являлось законным и обоснованным.

110. Приказ о депортации был издан в соответствии с соответствующим законодательством и преследовал цель защиты национальной безопасности. Хотя сам закон не содержит определения этого термина, Рамочная Концепция национальной безопасности, принятая Парламентом в 1998 году (см. пункт 83 выше) разъясняет его.

Кроме того, г-н Аль-Нашиф был предупрежден о невозможности продолжения его религиозной деятельности после участия в семинаре в 1997 году и в других случаях.

На основании вышеизложенного правительство считает, что закон был достаточно ясным, и что г-н Аль-Нашиф мог понять возможные последствия своих действий.

111. По утверждению правительства вмешательство было соразмерным преследуемой законной цели.

Оно подчеркнуло, что важным аспектом настоящего дела была ситуация на Балканах, где меры активной защиты религиозной терпимости имели решающее значение. В Болгарии, в частности, в силу ряда факторов - таких, как нарушение общественных традиций, вызванное десятилетиями тоталитаризма - религиозное сознание населения в настоящее время является нестабильным и неустоявшимся. Поэтому общины в целом, и мусульманская община в частности, восприимчивы к воздействиям. Было необходимо защитить их от исламского фундаментализма.

На этом фоне власти имели все основания классифицировать действия г-на Аль-Нашиф как «незаконную религиозную деятельность ... посягающую на национальные интересы и права религиозных, этнических групп и меньшинств в контексте сохранения национальных и культурных ценностей и традиций» (см. пункт 39 выше).

В. Оценка Суда

1. Имела ли место «семейная жизнь» как это определяется в Статье 8 Конвенции

112. Наличие или отсутствие «семейной жизни», по существу является вопросом факта, который зависит от реальной практики близких личных связей (см. дело «*K. и T. против Финляндии*» («*K. and T. v. Finland*») [GC], № 25702/94, ЕСПЧ 2001-VII, п. 150).

Тем не менее, как следует из концепции семьи, на которой основывается Статья 8, ребенок родившийся от брачного союза в силу закона (*ipso jure*) является частью этих отношений, следовательно, с момента рождения ребенка и в силу самого этого факта, между ним и его родителями существует связь, которая приравнивается к «семейной жизни», и которую не могут нарушить последующие события, кроме исключительных обстоятельств (см. Постановление по делу «*Berrehab против Нидерландов*» («*Berrehab v. the Netherlands*») от 21 июня 1988 года, Серия А, № 138, стр. 14, п. 21, Постановление по делу «*Хокканен против Финляндии*» («*Hokkanen v. Finland*») от 23 сентября 1994 года, Серия А, № 299-А, стр. 19, п. 54, Постановление по делу «*Гюль против Швейцарии*» («*Gül v. Switzerland*») от 19 февраля 1996 года, *Отчеты 1996*, п. 32, и дело «*Силиз против Нидерландов*» («*Ciliz v. the Netherlands*»), № 29192/95, пп. 59 и 60, ЕСПЧ 2000-VIII).

Что касается отношений в паре, «семейная жизнь» охватывает семьи, созданные на основе брака, а также фактические отношения. При принятии решения о том, можно ли признать отношения «семейной жизнью», необходимо рассмотреть ряд факторов, в том числе совместное проживание пары, продолжительность их отношений, а также продемонстрировали ли они свою приверженность друг к другу,

имея совместных детей или любыми другими средствами (см. Постановление по делу «Крон и другие против Нидерландов» («*Kroon and Others v. the Netherlands*») от 27 октября 1994 года, Серия А, № 297-С, стр. 55-56, п. 30, и Постановление по делу «Х, Y и Z против Великобритании» («*X, Y and Z v. the United Kingdom*») от 22 апреля 1997 года, *Отчеты* 1997-II, п. 36).

113. В данном случае, в 1992 году г-н Аль-Нашиф и г-жа Салех вместе приехали в Болгарию из Кувейта как супружеская пара и, очевидно, считались таковой во всех смыслах. У них родилось двое детей в 1993 и 1994 году. Несмотря на то, что г-н Аль-Нашиф заключил религиозный брак с другой женщиной, г-жой М., такой брак не имеет юридической силы в Болгарии. Кроме того, нет никаких решающих доказательств, подтверждающих обвинение правительства в том, что г-жа М. и первый заявитель проживали вместе в г. Смолян. В любом случае г-жа М. пребывала в этом городе меньше года. Г-н Аль-Нашиф продолжал жить в г. Смоляне с женой, г-жой Салех и их двумя детьми до момента его ареста в 1999 году (см. пункты 11 и 14 – 20 выше).

Таким образом, не было никаких исключительных обстоятельств, способных нарушить семейную связь между первым заявителем и его детьми, вторым и третьим заявителями. Кроме того, г-н Аль-Нашиф и г-жа Салех не расстались.

2. Имело ли место вмешательство в семейную жизнь заявителей

114. Суд отмечает, что право иностранцев на въезд или проживание в определенной стране гарантировано Конвенцией. Исходя из международного права и с учетом своих договорных обязательств, государство имеет право контролировать въезд неграждан на свою территорию (см. дело «*Boultif против Швейцарии*» («*Boultif v. Switzerland*»), № 54273/00, ЕСПЧ 2001 IX, п. 39). Касательно иммиграции, Статья 8 не налагает на государство общее обязательство уважать выбор супружеской парой страны совместного проживания и разрешать воссоединение семьи на своей территории (см. выше постановление по делу Гюль, п. 38).

Тем не менее, выдворение человека из страны, где проживают близкие члены его семьи может представлять собой нарушение права на уважение семейной жизни, гарантированное п. 1 Статьи 8 Конвенции (см. выше постановление по делу *Бутлиф*).

115. В данном случае не вызывает сомнения, что первый заявитель был лицом без гражданства, и что он и его жена, г-жа Салех, которая, очевидно, также являлась лицом без гражданства, на законных основаниях проживали в Болгарии на основании постоянного разрешения на жительство. Пара переехала в Болгарию в 1992 году, вскоре после заключения брака, и на законных основаниях обустроила

там свой дом. Их дети, второй и третий заявители, родились в Болгарии, получили болгарское гражданство и пошли там в школу.

Таким образом, депортация г-на Аль-Нашиф в 1999 являлась вмешательством в семейную жизнь заявителей.

116. Такое вмешательство противоречит Конвенции, если оно не соответствует требованиям пункта 2 Статьи 8. Поэтому необходимо определить, было ли оно «предусмотрено законом», имело ли одну или больше законных целей, указанных в пункте, и «необходимо в демократическом обществе».

3. Было ли вмешательство «предусмотрено законом»

117. Бесспорно - и Суд признает это - что Приказы № 503 и 504 были основаны на соответствующем внутреннем законодательстве.

118. Заявители утверждали, однако, что действующему законодательству не хватало ясности и предсказуемости, в соответствии с принципом законности, как это закреплено в Конвенции, поскольку оно уполномочило Министерство внутренних дел депортировать лиц, которые никогда не были осуждены и не находились под следствием, на основании Приказов, изданных без исследования доказательств, без возможности состязательного разбирательства и без объяснения оснований.

119. Суд повторяет, что фраза «предусмотрено законом» подразумевает, что правовая основа должна быть «доступной» и «предсказуемой». Действие правила должно быть «предсказуемым», если оно сформулировано с достаточной точностью, чтобы дать возможность любому человеку - если нужно, после соответствующей консультации - регулировать свое поведение.

Кроме того, во внутреннем законодательстве должна быть мера правовой защиты от произвольного вмешательства со стороны государственных органов, предусматривающая права, гарантированные Конвенцией. Это противоречит принципу верховенства права, если исполнительной власти предоставляются неограниченные полномочия в сферах, затрагивающих основные права. Следовательно, закон должен указывать пределы любого такого полномочия, предоставленного компетентным органам, и способ его осуществления с достаточной ясностью, с учетом законной цели указанных мер, чтобы обеспечить лицу адекватную защиту от произвольного вмешательства (см. дело «Аманн против Швейцарии» («*Amann v. Switzerland*») [GC], № 27798/95, ЕСПЧ 2000-II, пп. 55 и 56, дело «Ротару против Румынии» («*Rotaru v. Romania*») [GC], № 28341/95, ЕСПЧ 2000-V, пп. 55-63, дело «Хасан и Чауш против Болгарии» («*Hasan and Chaush v. Bulgaria*») [GC], № 30985/96, ЕСПЧ 2000-XI, и Постановление по делу «Класс и другие против Германии» («*Klass and Others v. Germany*») от 6 сентября 1978 года, Серия А № 28).

120. Позиция правительства заключалась в том, что несмотря на то, что Закон об иностранцах не обозначает случаи, в которых лицо может считаться угрозой для национальной безопасности, что является основанием для его депортации, термин «национальная безопасность» разъяснен в Рамочной Концепции национальной безопасности (см. пункт 83 выше).

121. Суд повторяет, что в отношении качества юридического критерия, то, что требуется в качестве гарантии правовой защиты зависит, в какой-то степени, от характера и степени вмешательства (см. дело «*П.Г. и Д.Х. против Великобритании*» («*P.G. and J.H. v. the United Kingdom*»), № 44787/98, ЕСПЧ 2001-IX, п. 46).

Он считает, что требование о «предсказуемости» закона не распространяется настолько, чтобы заставить государства принять правовые положения, подробно перечисляющие все виды поведения, которые могут послужить причиной принятия решения депортировать индивида из соображений национальной безопасности. По природе вещей, угрозы национальной безопасности могут отличаться по характеру и могут быть непредвиденными или их может быть трудно определить заранее.

122. Однако, должны быть гарантии того, что полномочия исполнительной власти осуществляется в соответствии с законом и без злоупотреблений.

123. Даже если существует угроза национальной безопасности, понятия законности и верховенства права в демократическом обществе требуют, чтобы меры, затрагивающие основные права человека, могли быть предметом определенного состязательного разбирательства, проводимого независимым органом, в компетенцию которого входит рассмотрение оснований принятия решения и соответствующих доказательств, в случае необходимости, с соответствующими процессуальными ограничениями по использованию секретной информации (см. постановления, приведенные в пункте 119 выше).

124. Физическое лицо должно иметь возможность оспорить утверждение исполнительного органа о том, что национальная безопасность находится под угрозой. В то время как оценка исполнительным органом того, что представляет угрозу для национальной безопасности, будет иметь значительный вес, независимый орган должен быть в состоянии реагировать в случаях, когда ссылка на данное понятие не имеет разумных оснований исходя из фактов, или отражает толкование «национальной безопасности», которое является незаконным, произвольным или противоречит здравому смыслу.

В отсутствие таких гарантий, полиция или другие государственные органы смогут произвольно посягать на права, защищаемые Конвенцией.

125. В данном случае первоначальное предложение депортировать г-на Аль-Нашиф поступило со стороны полиции и прокурора г. Смолян (см. пункт 21 выше). В Болгарии, органы прокуратуры отделены и структурно независимы от исполнительной власти. Тем не менее, правительство не представило информацию о каком-либо проведенном независимом расследовании. Прокурор действовал не в установленном порядке и просто передал дело в полицию. Органом, ответственным за принятие решений был Директором паспортного отдела Министерства внутренних дел (см. пункт 22 выше).

126. Кроме того, решение о депортации г-на Аль-Нашиф было принято без раскрытия каких-либо причин заявителям, их адвокату или любому независимому органу, компетентному рассматривать данный вопрос.

Согласно болгарского законодательства Министерство внутренних дел уполномочено издавать приказы о депортации, в нарушение основных прав человека, не следуя какой-либо состязательной процедуре, без объяснения причин и без какой-либо возможности обжалования решения в независимом органе.

127. Весьма показательно, что вышеуказанный правовой режим был причиной проблем в Болгарии, и что судебная система была разделена. Софийский городской суд и Верховный административный суд в некоторых случаях отказывались принимать во внимание бессодержательные утверждения исполнительной власти касательно необоснованных решений, в соответствии с Законом об иностранцах. Некоторые члены Парламента и судьи Высшего административного суда считают, что существующий правовой режим является неконституционным (параграфы 38, 71 и 72 выше).

Конституционный Суд, рассматривая вопрос, связанный с вышеуказанным правовым режимом, не смог достичь большинства: половина судей считала, что отсутствие в болгарском законодательстве возможности судебного рассмотрения депортации в тех случаях, когда Министерство внутренних дел ссылается на «национальную безопасность» противоречит Конституции и Конвенции, и такой правовой режим обеспечивает неограниченные полномочия исполнительной власти и создает предпосылки для возможного злоупотребления (см. пункты 73-77 выше).

128. Суд находит, что приказ о депортации г-на Аль-Нашиф был издан в соответствии с правовым режимом, который не обеспечивает необходимые гарантии против произвольного задержания.

Таким образом, вмешательство в «семейную жизнь» заявителей не рассматривалось на основании правовых положений, которые отвечают требованиям Конвенции о правомерности.

Отсюда следует, что имело место нарушение Статьи 8 Конвенции.

129. Поэтому Суд не обязан определять преследовало ли вмешательство в семейную жизнь заявителей законную цель, и, если да, было ли оно соразмерным преследуемой цели.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

130. Заявители жаловались, что не имели эффективных средств правовой защиты против вмешательства в их право на уважение семейной жизни. Они сослались на Статью 13 Конвенции, которая гласит:

“Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве”.

131. Правительство утверждало, что жалоба в соответствии со Статьей 13 была явно необоснованной и заявители не исчерпали все внутренние средства правовой защиты.

132. Как Суд неоднократно заявлял, Статья 13 Конвенции гарантирует доступность на национальном уровне средств правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Статья 13, таким образом, требует предоставления внутреннего средства правовой защиты при рассмотрении существа «спорной жалобы» в соответствии с Конвенцией, и предоставить соответствующее возмещение, хотя Договаривающиеся Государства имеют определенную свободу относительно выбора процедуры, согласно которой они будут выполнять обязательства по этому положению Конвенции.

Прямо указывая на обязательство государств по защите прав человека, прежде всего, в рамках их собственной правовой системы, Статья 13 предусматривает дополнительную гарантию для лиц в целях обеспечения эффективного использования этих прав.

«Эффективность» «средства правовой защиты» как это определяется в Статье 13, не зависит от определенности благоприятного исхода для заявителя. Также, «орган власти», упомянутый в положении, не обязательно должен быть судебным органом; и, если он таковым не является, его полномочия и гарантии, которые он предоставляет, применимы для определения эффективности правовой защиты. Кроме того, даже если одно средство правовой защиты само по себе не в полной мере удовлетворяет требования Статьи 13, совокупность средств защиты, предусмотренных в рамках внутреннего законодательства, могут обеспечить это (см. дело «*Сонка против Бельгии*» («*Sonka v. Belgium*»), № 51564/99, неопубликованное, дело «*Кудла против Польши*» («*Kudła v. Poland*») [GC], № 30210/96, ЕСПЧ

2000-XI, п. 152, и «Т.П. и К.М. против Великобритании» («T.P. and K.M. v. the United Kingdom») [GC], № 28945/95, ЕСПЧ 2001-V, п. 107).

133. Независимо от общих процессуальных гарантий, которые обеспечиваются Статьей 1 Протокола № 7 к Конвенции - не вступившего в силу в отношении Болгарии на время рассматриваемых событий - во всех случаях высылки иностранцев, где есть спорное утверждение, что такая высылка может нарушать права иностранца на уважение семейной жизни, Статья 13 и Статья 8 Конвенции требуют, чтобы государства предоставляли заинтересованному лицу эффективную возможность оспорить депортацию или отказ от выдачи разрешения на жительство и обеспечения рассматриваемых вопросов достаточными процессуальными гарантиями и тщательностью соответствующим внутренним форумом, предлагающим адекватные гарантии независимости и беспристрастности (№ 13718/89, Решение Комиссии от 15 июля 1988 года, неопубликованное, № 22406/93, решение Комиссии от 10 сентября 1993 года, неопубликованное, № 27794/95, решение Комиссии от 14 октября 1996 года, неопубликованное, и дело «Шебашов против Латвии» («Shebashov v. Latvia») (реш.) от 9 ноября 2000 года, № 50065/99, неопубликованное).

134. Нет никаких сомнений, что жалоба заявителей, что депортация г-на Аль-Нашиф нарушила их право на уважение семейной жизни могла быть оспорена. Следовательно, они имели право на эффективную процедуру рассмотрения жалоб согласно болгарскому законодательству.

135. Бесспорно, однако, что все апелляции, поданные первым заявителем, были отклонены без рассмотрения на основании Закона об иностранцах, который – согласно толкованию Министерства внутренних дел и болгарских судов, по делу заявителей, а позднее, в разъяснении Парламента (пункты 70, 72 и 78 выше) - предусматривает, что решения о депортации со ссылкой на «национальную безопасность» в качестве их основания, не должны указывать оснований и не подлежат обжалованию. Если апелляция в отношении такого приказа подается в суд, он не вправе выяснять, подлинные ли интересы национальной безопасности находятся под угрозой, и должен ее отклонить. В случае заявителей тот же подход был применен Министерством внутренних дел, к которому обратился г-н Аль-Нашиф (см. пункт 36 выше).

136. Правда в том, что объем обязательств в соответствии со Статьей 13, варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией (см. выше Постановление по делу Кудла, п. 157).

Если речь идет о соображениях национальной безопасности, определенные ограничения типов средств правовой защиты, имеющихся в распоряжении индивида, могут быть оправданы. Что касается тайного наблюдения и использования секретной информации

при отборе кандидатов на работу, которые будут иметь доступ к конфиденциальной информации, Статья 13 требует наличия «максимально эффективного» средства правовой защиты, с учетом того, что в рамках любой системы тайного наблюдения или проверок, возможности для обращения за помощью к суду будут ограничены (см. постановление по делу «Класс и другие против Германии» («*Klass and Others v. Germany*») от 6 сентября 1978 г., Серия А, № 28, п. 69, и приведенное выше Постановление по делу Леандер, п. 78). Тем не менее, средство защиты, требуемое Статьей 13, должно быть эффективным де-юре и на практике. В частности, в делах Класс и Леандер, заявители имели возможность обратиться за помощью в суд, а также некоторые процессуальные гарантии и возможности независимого рассмотрения. В деле «Аманн против Швейцарии» («*Amann v. Switzerland*») ([GC], № 27798/95, ЕСПЧ 2000-II), заявитель имел возможность обратиться в суд. В тех случаях не было установлено нарушение Статьи 13 Конвенции.

Никакое обращение в суд не было доступно заявителю в деле «Ротару против Румынии» («*Rotaru v. Romania*») ([GC], № 28341/95, ЕСПЧ 2000-V) - деле, которое также касалось хранения и использования секретной информации, где Суд признал нарушение Статьи 13 Конвенции (см. также дело «Хьюитт и Харман против Великобритании», («*Hewitt and Harman v. the United Kingdom*»), № 12175/86, отчет Комиссии от 9 мая 1989 года).

137. Суд считает, что в случаях высылки иностранцев из соображений национальной безопасности, - как и в данном случае - согласовать интересы сохранения конфиденциальной информации с правом человека на эффективное средство правовой защиты, очевидно, менее трудно, чем в вышеупомянутых случаях, когда система тайного наблюдения или проверки может функционировать, только если лицо не знает о мерах, предпринимаемых в отношении него.

В то время как процедурные ограничения могут быть необходимы для того, чтобы предотвратить любую утечку информации в ущерб национальной безопасности, и поскольку любой независимый орган, рассматривающий апелляцию против решения о депортации может потребовать наделить исполнительную власть более широкими полномочиями в вопросах национальной безопасности, это ни коим образом не может оправдать отказ от предоставления средств правовой защиты в целом, когда исполнительная власть ссылается на понятие «национальная безопасность» (см. выше Постановление Чахал и пункт 96 выше о возможных путях согласования интересов).

Даже при предъявлении обвинения в угрозе национальной безопасности, гарантия эффективного средства правовой защиты требует, как минимум, чтобы компетентный независимый орган был проинформирован о причинах, обосновывающих решение о

депортации, даже если такие причины не являются общедоступной информацией. Орган должен быть наделен возможностью отклонить утверждение исполнительной власти об угрозе для национальной безопасности, если он посчитает такое утверждение произвольным или необоснованным. Должно быть обеспечено определенное состязательно-разбирательство, при необходимости, через специального представителя после принятия всех мер в отношении безопасности. Кроме того, должен быть рассмотрен вопрос о том, будет ли оспариваемая мера нарушением права человека на уважение семейной жизни, и, если да, будет ли установлен справедливый баланс между общественными интересами и правами человека.

138. Поскольку заявителям не были доступны средства правовой защиты, предоставляющие такие гарантии эффективности правовых средств, Суд считает, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 9, СТАТЬИ 13 И СТАТЬИ 9 КОНВЕНЦИИ

139. Первый заявитель жаловался, что его депортация была реакцией и наказанием за его законную религиозную деятельность и, следовательно, представляет собой необоснованное вмешательство в его права в соответствии со Статьей 9 Конвенции. Он также жаловался, что в нарушение Статьи 13 и Статьи 9, он не имел эффективного средства правовой защиты в этом отношении.

Статья 9 гласит:

“1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает в себя свободу менять религию или убеждения и свободу, самостоятельно либо совместно с другими, публичным или частным порядком, исповедовать свою религию или убеждения в богослужении, обучении, отправлении религиозных и ритуальных обрядов.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственных норм, или для защиты прав и свобод других лиц”.

140. Первый заявитель утверждал, что проводимое им обучение и вся его религиозная деятельность были законными и никогда не подразумевали одобрения насилия или экстремистских взглядов. Утверждение, что он являлся угрозой национальной безопасности, было абсурдным и предвзятым. В действительности власти стремились положить конец его религиозной деятельности. Целью депортации, по признанию правительства, было предотвращение проведения первым заявителем его религиозной деятельности в Болгарии. Таким образом, имело место вмешательство в его права согласно Статье 9. Ссылаясь на

свои аргументы в соответствии со Статьей 8 Конвенции (см. пункты 104 и 105 выше), первый заявитель утверждал, что вмешательство было незаконным и не было необходимым в демократическом обществе.

141. Правительство заявило, что не было никакого вмешательства в право первого заявителя проводить религиозное обучение. Его депортация не была реакцией на преподавание религии - которое было законным, - она была основана на оценке, что его религиозная деятельность представляла угрозу для национальной безопасности. Кроме того, г-н Аль-Нашиф добровольно отказался от преподавания после предъявления ему Приказа о депортации и не сможет его возобновить, поскольку согласно новым инструкциям, выданным Управлением Верховного муфтия, после депортации запрещено проводить религиозное обучение лицам, не имеющим соответствующего религиозного образования. Кроме того, правительство заявило, что религиозные свободы в Болгарии были гарантированы, и что власти строго придерживались принципа невмешательства во внутренние дела религиозных общин и регулярно разрешали визиты иностранцев, приезжающих для обучения религии.

142. Установив, что депортация г-на Аль-Нашиф является нарушением права всех заявителей на уважение их семейной жизни как это определяется Статьей 8 Конвенции, и что они не имели эффективных средств правовой защиты в этой связи, что противоречит Статье 13 Конвенции, Суд считает, что не нужно определять противоречат ли те же обстоятельства Статье 9 Конвенции отдельно, или в сочетании со Статьей 13.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

143. Статья 41 Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

A. Ущерб

144. Заявители потребовали возмещения морального ущерба в размере 60 000 евро (EUR) за ущерб, которые они понесли в результате нарушения их прав согласно Конвенции.

Заявители подчеркнули, что их семейная жизнь была нарушена, как и свобода вероисповедания г-на Аль-Нашиф, несмотря на то, что он никогда не делал ничего противозаконного. Все три заявителя в результате были лишены нормальной семейной жизни и жили в

неопределенности, будучи не в состоянии найти новый семейный дом. Страдания были усугублены информационной кампанией в СМИ, организованной властями.

145. Заявители также утверждали, что они понесли денежные убытки, поскольку г-ну Аль-Нашиф пришлось продать свой бизнес в г. Смолян и он не смог найти работу в Сирии. Оценив свои потери на сумму 22 000 евро, заявители не требовали возмещения морального ущерба, признав, что они были не в состоянии представить документальные доказательства. Вместо этого они попросили Суд принять их потери во внимание при определении суммы возмещения морального ущерба.

146. Правительство посчитало эти суммы чрезмерными и заявило, что должна быть принята во внимание экономическая ситуация в Болгарии.

147. Заявители ответили, что даже если, возможно, необходимо принять во внимание экономическую ситуацию, чтобы гарантировать, что заявители в разных странах не получают непропорционально различные реальные ценности, необходимо использовать надежный критерий, например, сравнительное исследование цен на товары и услуги, а не минимальную заработную плату. При этом, в то время как рядовые товары в Болгарии были, конечно, дешевле, чем в странах Западной Европы, другие товары, такие как электронные приборы и автомобили, были более дорогими из-за небольшого объема рынка. Если будет принят подход, предложенный правительством, Суд может оказаться в неловком положении, когда придется говорить жертвам нарушений, что можно приобрести за счет полученной компенсации. Аргументация правительства была также несоответствующей в конкретном случае, поскольку заявители проживали за пределами Болгарии, хотя хотели бы туда вернуться.

148. Суд считает, что заявителям был причинен моральный ущерб в результате нарушения прав первого заявителя в соответствии с пунктом 4 Статьи 5 Конвенции и нарушения прав всех трех заявителей в соответствии со Статьями 8 и 13 Конвенции. Вынося решение на справедливой основе, Суд присуждает 7 000 евро первому заявителю и 5 000 евро каждому из остальных двух заявителей (в общей сложности 17 000 евро).

В. Расходы и издержки

149. Заявители потребовали выплаты 5 845 долларов США (USD) за 118 часов юридической работы в рамках разбирательства в суде, на основании почасовой ставки в размере 40 долларов США, и за 45 часов работы с национальными учреждениями, на основании почасовой ставки в размере 25 долларов США. Заявители представили таблицу

учета и соглашение между ними и их адвокатами, а также сослались на публикации, в которых сообщалось, что ведущие юридических фирмы в Болгарии берут за свои услуги от 80 до 190 долларов США в час.

Они также потребовали 792 долларов США за авиабилеты для своих адвокатов г-на Грозева и г-жи Яневой и 2 650 французских франков за гостиничные счета, местные переезды и суточные за их посещение слушаний в Суде.

Общая сумма, требуемая заявителями в качестве возмещения расходов и издержек эквивалентна примерно 7 750 евро.

150. Правительство считало, что соглашения об условном гонораре являются аморальными и что адвокаты должны оказывать бесплатную юридическую помощь малоимущим клиентам. Оно утверждало, что указанные почасовые ставки были непомерными ввиду низкой минимальной заработной платы в Болгарии.

Кроме того, правительство оспорило количество часов, якобы проведенных юристами на внутреннем разбирательстве и разбирательстве в Страсбурге. В частности, г-жа Янева не могла доказать, что потратила десять часов на семь визитов в СИЗО в аэропорту Софии, поскольку она никогда не встречалась с г-ном Аль-Нашиф. Кроме того, г-жа Янева не указала даты ее предполагаемых пяти визитов в Смолянский областной суд. Кроме того, семи часов работы для подготовки апелляций в пять различных органов не требовалось, поскольку текст апелляций был идентичным.

151. Суд повторяет, что только судебные расходы и издержки, признанные реально и в обязательном порядке понесенными, которые являются разумными в количественном отношении, подлежат возмещению в соответствии со Статьей 41 Конвенции (см. дело «Николова против Болгарии» (*«Nikolova v. Bulgaria»*) [GC], № 31195/96 от 25 марта 1999 года, п. 79).

Тот факт, что г-жа Янева не могла посещать г-на Аль-Нашиф в СИЗО - где он провел 26 дней в полной изоляции - является одним из аспектов нарушения пункта 4 Статьи 5, установленного в данном случае. Ее визиты в изолятор, очевидно, в попытке встретиться с подзащитным, составили расходы, понесенные в обязательном порядке в связи с защитой его прав, предусмотренных Конвенцией.

Суд отклоняет представление правительства о том, что количество заявленных часов превышает объем юридической работы, которая была фактически выполнена, и которую необходимо было выполнить для представления заявителей.

Он также считает, что почасовые ставки в размере 40 и 25 долларов США не являются чрезмерными.

152. Тем не менее, необходимо применить определенное сокращение расходов, в связи с тем, что часть первоначальной жалобы была объявлена неприемлемой.

Преобразовав заявленную сумму в евро, и проведя общую оценку, Суд присуждает заявителям 6 500 евро в отношении расходов и издержек.

С. Процентная ставка

153. По информации, имеющейся в распоряжении Суда, процентная ставка, установленная на основании государственного законодательства в Болгарии, применимая к требованиям, выраженным в иностранной конвертируемой валюте на дату принятия настоящего Постановления составляет 13,65% годовых.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Отклоняет* единогласно предварительные возражения правительства;
2. *Постановляет* единогласно, что имело место нарушение пункта 4 Статьи 5 Конвенции;
3. *Постановляет* четырьмя голосами против трех, что имело место нарушение Статьи 8 Конвенции;
4. *Постановляет* четырьмя голосами против трех, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции;
5. *Постановляет* единогласно, что нет необходимости рассматривать жалобы в соответствии со Статьей 9 Конвенции в отдельности, и совместно со Статьей 13;
6. *Постановляет* четырьмя голосами против трех
 - (a) что государство-ответчик должно выплатить заявителям в течение трех месяцев с даты, когда судебное постановление станет окончательным в соответствии с пунктом 2 Статьи 44 Конвенции, следующие суммы, вместе с любым налогом на добавленную стоимость, который может быть начислен:
 - (i) 7 000 евро (семь тысяч евро) первому заявителю и 5 000 евро (пять тысяч евро) каждому из остальных двух заявителей в отношении компенсации морального ущерба;
 - (ii) 6 500 (шесть тысяч пятьсот евро) в отношении расходов и издержек трех заявителей;

(b) что обе суммы должны быть конвертированы в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на дату выплаты;

(c) что простые проценты по годовой ставке 13,65% начисляются с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты;

7. *Отклоняет* единогласно оставшуюся часть требований заявителей о компенсации.

Составлено на английском языке и доведено до всеобщего сведения в письменном виде 20 июня 2002 года, в соответствии пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

Винсент Бергер (*Vincent BERGER*)
Секретарь

Герг Ресс (*Georg RESS*)
Президент

В соответствии с пунктом 2 Статьи 45 Конвенции и пунктом 2 Правила 74 Регламента Суда, совместное частично несовпадающее особое мнение г-на Макарич, г-на Буткевич и г-жи Ботучаровой прилагается к данному постановлению.

G.R.
V.B.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ МАКАРЧИК, БУТКЕВИЧ И БОТУЧАРОВОЙ

1. Мы голосовали против факта нарушения Статьи 8 в данном случае.

2. Большинство считает, что Приказ о депортации г-на Аль-Нашиф был издан в соответствии с правовым режимом, который не обеспечивает необходимых гарантий правовой защиты против произвола и пришло к выводу, что вмешательство в семейную жизнь заявителей не было, таким образом, основано на правовых положениях, которые соответствуют требованиям Конвенции о законности.

3. В то время как власти должны быть подвергнуты критике за отсутствие достаточных процессуальных гарантий правовой защиты в процессе принятия решений, что был только один аспект - среди прочих - вопроса, было ли вмешательство в семейную жизнь заявителей соразмерно преследуемой законной цели такого вмешательства. Суд неоднократно указывал, что качество процесса принятия решений является вопросом о соразмерности (см. с учётом соответствующих изменений (*mutatis mutandis*), дело «Т.П. и К.М. против Великобритании» (*T.P. and K.M. v. the United Kingdom*), [GC], № 28945/95, ЕСПЧ 2001-V, п. 72, и дело «Чапман против Великобритании» («*Chapman v. the United Kingdom*») [GC], №27238/95, ЕСПЧ 2001-I, п. 92).

4. Если такой подход будет принят, станет очевидно, что в данном случае, несмотря на любые процессуальные недостатки, принцип соразмерности не был нарушен.

5. Поскольку большинство справедливо заявило, что Статья 8 Конвенции не может рассматриваться как таковая, которая накладывает на государства общее обязательство уважать выбор супружеских пар страны их совместного проживания и позволять воссоединение семьи на своей территории (см. пункт 114 Постановления).

6. Г-н Аль-Нашиф и г-жа Салех прибыли в Болгарию во взрослом возрасте после заключения брака на своей родине, и прожили менее семи лет в Болгарии до момента оспариваемой депортации. Тот факт, что их дети, родившиеся в этот период, получили болгарское гражданство, не следует рассматривать в качестве важного фактора в анализе соразмерности, поскольку они очень малы, должны следовать за своими родителями, и, очевидно, говорят по-арабски. Г-жа Салех покинула Болгарию с детьми в июне 2000 года, через год после депортации ее мужа, и поселилась в Иордании, где она имеет близких родственников. Г-н Аль-Нашиф имеет близких родственников в Сирии, имеет удостоверение личности лица без гражданства, выданное в Сирии, и, при въезде в Болгарию в 1992 году, указал Сирию как свою страну проживания. На основании вышеизложенного, вряд ли можно

считать, что семья имеет достаточно прочные связи с Болгарией. Очевидно, что заявители могут на законных основаниях обустроить дом для своей семьи в Сирии или другом месте.

7. Мы считаем, что, с учетом всех соответствующих факторов, депортация г-на Аль-Нашиф из Болгарии не была несоразмерной в конкретных обстоятельствах. Нарушение Статьи 8 Конвенции отсутствовало. Поскольку жалоба в рамках этого положения не требовала доказательств, Статья 13 не применялась.

8. Следовательно, в качестве компенсации, учитывая, что мы обнаружили только одно нарушение Конвенции, а именно права первого заявителя согласно пункта 4 Статьи 5, мы присуждаем ему компенсацию в 2 000 евро и отклоняем оставшуюся часть требований.